

Мария Гулегина:

Независимая. - 2004. -
21 окт. - с. 6

«Никогда не пою по приказу»

Абсолютное сопрано наших дней вот-вот споет «Травиату»,
далее только Царица ночи

Андрей Хрипин

Мария Гулегина – «фирменная» вердиевская певица, лучшая Tosca своего времени. Пятнадцать лет назад строптивая певица, какой ее числили по месту работы в родном Белорусском театре, устремилась на штурм международного оперного Олимпа. Начала с «Ла Скала». Сейчас Гулегина часто приезжает в Россию. Несколько дней назад приезжала петь в благотворительном концерте-телемосте памяти жертв терроризма в храме Христа Спасителя. Еще первая леди оперы успела посвятить время репетициям «Набукко» в «Геликоне», с которым с недавнего времени сотрудничает, и дать интервью «НГ».

– Мария, образ жизни певцов, как правило, делают их совами, а мы встречаемся с вами в десять утра...

– Баронесса извоит почивать – не мой стиль. Если у меня репетиция с оркестром в десять утра, я встаю в пять, чтобы раскочегариться.

– Как вы оказались в Люксембурге?

– Когда уезжали из России, то думали, что едем в эмиграцию, навсегда, и сначала поселились в Германии. По мне там оказалось все слишком сухо и чопорно. К тому же если не говоришь на дойч, тебе прямой капут. А Люксембург более теплый, терпимый, интернациональный. Мой дом – настоящее русское поместье. Я все сделала сама, как Виолетта, только, конечно, без дзеффиреллиевских шестиметровых потолков. Мебель, обстановка в полумузейном стиле, вокруг поля, луга, леса.

– Ваша совсем взрослая дочь тоже ведь поет...

– Да, но совсем по-другому. Наталья у меня автор, композитор, сочиняет и поет баллады. Я ей дала все, что могла. В этом году Наташа меня порадовала – стала помогать мне в качестве личного секретаря, у нее, безусловно, есть менеджерская хватка.

– Ваш муж Марк тоже продолжает помогать вам в этом качестве?

– Уже нет.

– Наверное, причиной вашего возвращения на родину стали какие-то изменения: в вас или в нас?

– Тут самым трудным было переступить черту обратно, и я очень благодарна Пааге Бурчладзе, который уговорил меня спеть на своем бенефисе в Большом театре – он пообещал, что я не узнаю страну и людей. Так и вышло. До этого на все приглашения я отвечала только «нет», работать с советскими структурами было невозможно.

– Главный интерес профессии – в чем он сегодня?

– Как и прежде – не останавливаться. У меня всегда есть амбиции делать лучше, чем вчера. Сейчас мне нужно опять придумать новую сверхзадачу на будущее. Для выполнения прежней потребовалось 10 лет – после всех своих кровавых героинь вроде леди Макбет, Аби-гайл и Тоски я приблизилась к бельканто и наконец-то спела Норму (четыре года назад в театре «Маэстранца» в Севилье, а этим летом на фестивале в Сантандере в постановке Дмитрия Бертмана) и вот-вот спою «Травиату». А дальше? Пока не придумала, но, наверное, я Царицу ночи должна спеть.

– Как вообще возникла «Травиата» в вашей жизни?

– Судьба давала какие-то знаки. В 16 лет меня не взяли по возрасту в консерваторию, и я на год пошла в музучилище, откуда меня позвали танцевать цыганку на балу у Флоры в спектакле, который шел в оперной студии нашей Одесской консерватории. На первый взгляд глупость, но потом говорили, что у меня слишком большой голос для Виолетты, что мне не поднимать колоратуру и так далее. Это тоже разжигало самолюбие. А еще меня всегда раздражало, когда Виолетту поют кукольные колоратурные сопрано. Как таким голосом можно передать боль, страдание, наконец, истерику измученной жизнью женщины? Ведь, например, Sempre libera в первой арии – это же истерика чистой воды. И вот я созрела, и мои менеджеры стали

как бы старая, и намекает, что когда-нибудь, и скоро, может быть, он сам придет к ней клиентом. Умирает Виолетта не от чахотки, а от предательства.

– Должен ли режиссер в опере ставить настоящий драматический спектакль или его задача, используя другие выразительные средства, оставить певца в покое?

– Ох, трудный вопрос. Начнем с того, что режиссер должен быть действительно режиссером. Его первейшая задача – объединить всех одной идеей в интересный спектакль. Как он будет делать это (объяснять психологическую мотивацию или просто указывать мизансцены) – не важно. У Бертмана в Сантандере не было, грубо говоря, домика Нормы, но всем и все было понятно. Сложить руки на сиськах, извиняюсь, и проскулить два часа – кому это нужно? И мы с Димой сошлись в том, что надо делать такой веристский по духу спектакль, когда каждая фраза не просто красивое сольфеджио, а идет из жизни.

– Сейчас говорят, что голос на шестом месте, и большой международный оперный тотализатор вращают игры агентов и круговорот капитала, а отнюдь не творческие импульсы...

– Я отдельно от этой машины, я кошка, которая гуляет сама по себе. Не могут меня заполучить и придумывают всякие глупости, что у меня плохой характер и крутой нрав. А у меня не плохой характер, а свойство натуры

лане. Западные театры и импресарио, естественно, использовали то, что русских так нагло грабят на их родине и что русские могут петь за копейки, лишь бы вырваться. Вот откуда пошло, что раньше мы стоили так дешево. Покажите мне сегодня в оперном театре певицу, которая получает больше, чем я, – а я из России.

– Ну, допустим, кто-то еще может стоить не меньше.

– Да, вы можете назвать еще с десяток популярных имен с обложек компакт-дисков, но это все артисты, чей имидж упрочен не только их собственным талантом, но и звукозаписью с ее рекламной раскруткой. Пластиночный бизнес сейчас крутится по принципу «не обманешь – не продашь». А что мы все о грустном?

– Хорошо, а ваши собственные записи вам нравятся?

– Нет. Мне нравится живой театр. Во-первых, все честно и без обмана. Оперный голос для того и создан, чтобы удивлять и покорять людей вживую. На записи же теряются обертоны голоса, в то время как живая акустика украшает его. Журавлик, как в той песне из фильма, должен лететь в небе.

– Может ли у вас появиться желание спеть в Большом?

– А зачем? Я пою, когда у меня совпадают артистический и финансовый интересы. Правда, иногда насущный артистический интерес способен пересилить, но это на другую тему.

– Говорят, был скандал с вашим отказом от эпохальной постановки и съемок фильма в Запретном императорском городе в Китае, что вы запросили немислимый гонорар, что начали учить партию и испугались.

– Есть тенденция, что начинающие цеть Турандот через 3–4 года уходят. Но это и немудрено, когда идет соревнование, кто споет громче Биргит Нильсон. Если я спою ее сегодня, то меня станут приглашать только на Турандот, так как петь некому. Короче говоря, сначала мы должны были записать фонограмму, но в Пекине оказалось, что петь надо живьем на площади. Я человек эмоциональный и могла бы включить форсаж. А это мне совсем не надо. И что я придумала? Согласилась, но запросила миллион долларов. Они начали спорить за 750 тысяч. Я объясняла, что это не гонорар, а некая болевая компенсация за возможный ущерб. Самое ужасное, что народу сообщили, что я там буду, и мои фанаты поперли в Китай. Так меня довольно часто подставляют – пишут в афишах и анонсах «Гулегина» еще до того, как подписан контракт, а потом говорят: вот, не приехала, подвела... Кто кого подвел, спрашивается? Но если контракт есть – умри, но пой. Пунктуальность – мое свойство, опоздание – смерть.

Покажите мне сегодня
в оперном театре певицу,
которая получает больше,
чем я, – а я из России

искать театр не из самых крутых, в котором можно было бы попробовать. А поскольку риск все же велик, одним из моих условий была предоставление достаточного количества моих личных репетиций (ведь у нас в оперном конвейере очень многое делается на лету, и зачастую мы «влетаем» в спектакль буквально из аэропорта). Такой театр нашелся, это Братиславская опера, и премьеру мы сыграем совсем скоро на гастролях в Токио.

– Какая ваша Виолетта?

– Сейчас принято изображать молодую такую Виолетку, первую любовь. Я вижу совсем по-другому. Ведь это уже пожилая, потрепанная жизнью женщина. Ей лет 35, и она сознает, что сильно старше Альфреда, что он через какое-то время ее бросит. И когда к ней приходит папаша Жермон, то он просит Виолетту оставить его сына не только по сословным соображениям, но и потому, что она уже

такое – я никогда не буду делать то, что мне не нравится. Застрелитесь – я ухожу и меня нет. У меня искренний характер.

– Правоммерно ли сейчас говорить о славянских певцах на Западе как о дешевой рабочей силе?

– Да, пожалуй, это уже не зависит от национального фактора. Молодому и пока еще дешевому певцу важно петь так, чтобы каждый следующий раз его цена повышалась. Я тоже начинала с малого. Да еще и Госконцерт меня грабил: вы не представляете как, хотя времена уже были отнюдь не советские. А как они по-хамски обращались с людьми, если бы вы знали! Как с крепостными. Поэтому я и уехала подальше от этого хамства и грабежа. Мой самый первый итальянский гонорар в «Ла Скала» равнялся нескольким тысячам долларов за спектакль, а Госконцерт оставлял мне 120! И на эти деньги надо было целый месяц жить в Ми-